

УДК 391.982+395]:003.62(=512.122)

ТОХТАБАЕВА Ш.Ж.,
Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова КН МОН РК,
главный научный сотрудник, доктор исторических наук

СИМВОЛИКА ПРЕДМЕТОВ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА КАЗАХОВ

Аннотация

Рассмотрена символика отдельных предметов быта казахов, в которой прослеживаются этикетные нюансы. Знаковое содержание некоторых изделий в краткой форме упоминается в сочинениях Ч.Ч. Валиханова.

Ключевые слова: символика, войлок, ткачество, ковры, конское снаряжение, казан, этикет.

Tірек сөздер символ, киіз, тоқым, кілем, ат сайман, қазан, этикет.

Keywords: symbols, felt, weaving, carpet, horse harness.

Одним из интересных направлений в этнографической науке Казахстана является семиотический анализ материальной культуры, связанный с обычаями, обрядами, ритуалами. Ранее были изучены знаковые функции одежды, ювелирных украшений. В данной статье рассматривается символика отдельных предметов традиционного быта казахов, в которой прослеживаются разнообразные этикетные нюансы. По мнению С.А. Токарева, для этнографической науки представляют интерес прежде всего взаимосвязи предметного мира с человеком, а также социальные взаимоотношения людей, опосредованные материальными вещами [1, с. 5].

Поскольку не было частой смены изделий в домашнем быту казахов, каждая вещь художественно оформлялась, тем самым она окультуривалась, становилась своей, она эмоционально прочувствованно принималась семьей. В некоторых из них начинала присутствовать частица домашнего благополучия, почему существовали запреты на неправильные действия людей по отношению к тем или иным предметам.

Интересна знаковая роль изделий из текстиля, в частности, войлочного ковра. Так, например, поднятие избранного хана на белой кошме являлось своего рода инаугурацией [2, с. 214]. В знак избрания Аблая ханом казахи подняли его на кошме, после чего, сняв с него парадную одежду, разодрали ее и разобрали по кусочку на счастье [3, с. 24]. В другом отрывке изложено следующее: «Один из обычаев тюрок-коневодов, населяющих этот край, (заключается в том), что на арбах, в которых ездят жены их, помещают кусок войлока, длиной в пядень, привязанный к тонкому шесту, длиной в локоть, в углу арбы; на каждую тысяча коней полагается один такой кусок» [3, с. 214]. В данном примере, очевидно, войлок использован как маркер.

Текемет принято расстилать под колыбелью при первом укладывании туда новорожденного, что должно было охранять здоровье и стимулировать достаток и благополучие в жизни ребенка в будущем. При первом входе невесты в дом мужа под её ноги постилали овечью шкуру (для большого потомства и мягкости в будущем родовых схваток, добрых отношений с новыми родственниками), а также сажали на белый войлок, чтобы была светлой и благополучной жизнь молодоженов, а также были бы здоровыми детородные органы невестки.

В традиции казахов был обычай усаживать мужа или сына перед дальней дорогой на белый войлок, что, по принципу подобия, должно обеспечить светлую, т. е. удачную дорогу и благополучное возвращение. Войлочным ковром выражали даже информацию щекотливого характера. Так, например, если случались неожиданные визитеры издалека, то засидевшаяся в «девках» дочь, о чем неэтично было говорить вслух, садилась на белый войлочный ковер, тем самым иносказательно оповещая гостей, что она не засватана и свободна.

Войлочный ковер использовался в старину также при трауре. В течение сорока дней со дня смерти человека домочадцы осуществляли следующий ритуал: как только наступали сумерки,

отворяли дверь, постилали возле нее белую кошму, наполняли одну чашку кумысом и ставили у правой стороны порога вместе с одной зажженной свечки для *аруха* [4, с. 113].

Белый войлок осмысливался как сакральная вещь, связанная с позитивными идеями: благополучием, социальным ростом, материальным богатством. Старый ветхий войлок – не только признак бедности, несостоятельности, но и несчастливой ситуации. Согласно обычному праву Адат, сына, осмелившегося злословить или бить отца или мать свою, сажают на черную корову, лицом к хвосту, с навязанным на шею старым темным войлоком.

В настоящее время родители и родственники со стороны жениха при сватовстве выполняют интересный обряд, заключающийся в том, что они будущих сватов, т. е. родителей невесты поднимают, как ханов, на привезенном ими войлочном ковре *тергілер*, тем самым выражая предельное уважение к ним. У хакасов на белую кошму усаживали женщину для лечения ее шаманом от бесплодия [5, с. 96].

Текеметы и парадные красочные ковры *сырмақ*, связанные с образом барана и идеей плодородия, считались неперемными в домашнем убранстве. Хозяйки верили, что эти предметы способны не только стимулировать благоденствие, но и защищать домочадцев от ядовитых змей и скорпионов, боящихся запаха овечьей шерсти.

Каждая хозяйка стремилась приобрести или соткать пестрый красочный палас *ала алаша*, чтобы расстелить его на пол. У казахов устойчиво мнение, что пестрый палас, как и пестрая веревка, являются мощным оберегом от сглаза. Пестрая веревка фигурирует в обряде *туссау кесу* – перерезывание пут, как только ребенку исполнялся год.

В убранстве юрты включались также вышитые ковры типа *тускиіз*, которые осмысливались, как магические талисманы благодаря символике орнамента. В одной юрте было до 5, 6 тускиизов и больше, украшавшие стены. Причем все они имели неповторимый узор. По красоте ковра судили об искусности будущей хозяйки. Это изделие, расцениваемое как сакральное, согласно этикету, являлось обязательным в составе приданого. Традиционно было дополнительно украшать *тускиіз* в качестве магической защиты серебряными ювелирными изделиями и местами пришивать на полотно пучки перьев филина и другие обереги, предназначенные для охраны здоровья, семейного счастья. Помимо того, что само ткачество и вышивание пронизываются системой магических приемов, сам процесс вешания ковра *кілем ілу* непременно оформлялся торжественно, для чего приглашались подруги, родственницы, соседки – плодovитые счастливые женщины. Этот праздник сопровождался застольем и подарками хозяйке за смотрины. Она же в свою очередь, согласно этикету, одаривала всех тех, кто вешал ковер. Такая обрядность проводилась с целью стимулирования благополучия в семье.

Богатые родители для приданого старались заказать опытным прославленным мастерицам художественное оформление важных атрибутов супружеской кровати: настенный ковер *тускиіз* и покрывало на кровать *төсек жапқыш*. Такие вещи с золотошвейной вышивкой дорого стоили, в связи с чем их берегли. Ими пользовались не каждый день, а лишь по праздникам. По традиции *тускиіз*, *төсек жапқыш*, а также наволочку для подушки *жастық қап*, т. е. вещи, использованные для декоративного оформления супружеской кровати, запрещалось продавать, дарить чужим лицам, что могло привести к краху супружеского счастья. Можно было передавать эти вещи лишь по наследству. Эти изделия, отличающиеся особой дороговизной, торжественностью и эффектной декоративностью, являлись престижными вещами, они, по народному представлению, магическим образом стимулировали важные жизненные параметры.

В скатертях *дастархан* круглой формы красного, белого и других цветов преобладают полихромные центрические композиции. Довольно часто в фокусе размещается лучеобразный солярный знак или розетка, образованная из растительной вязи. Были и прямоугольные скатерти. Хозяйки старались украсить скатерть как можно более нарядной вышивкой, так как это создавало впечатление богатства накрытого стола, тем самым усиливая праздничное настроение. В казахском быту декоративному решению скатертей, олицетворявших сытость, достаток и благополучие в доме, а также семейное счастье, придавалось особое значение. Существовали запреты на то, чтобы отдавать во временное пользование скатерти, что могло унести все позитивное, что символически связано с этой вещью. В связи с этим ни одна казахская женщина, зная об этом, не рискнет одолжить эту вещь, так как дом без скатерти «дикий», не окультуренный.

Важную практическую и декоративную роль играла в жилище мебель работы казахских мастеров. В народном сознании существовала вера, что новые предметы необходимо заряжать соответствующими «магическими» действиями и словами, тогда они будут не только хорошо служить, но и способствовать всему положительному. Кровать символизировала брачное ложе, нерушимость семьи и супружеского счастья, поэтому её художественному оформлению придавали особое значение. Прежде чем ставить кровать, устраивали небольшое застолье с гостями. Затем «счастливые и удачливые» гости устанавливали новую кровать, застилали ее, покрывали красочным покрывалом, клали вышитые подушки. Все эти действия сопровождалось словесными благопожеланиями, выражавшими идеи семейного счастья. В ответ женщины получали от хозяйки различные подарки в виде отрезков ткани. Она старалась никого не обижать из гостей во избежание ссор между супругами. Элементы постельной принадлежности никогда не используются для ночлега гостей. К ним не должен даже прикасаться чужой, что могло привести к потере супружеского счастья.

В традиции многих народов все емкости, включая всевозможные ящики, шкафы и сундуки осмысливались как полости, относимые к женской ипостаси. Тем не менее именно сундуки без ножек (разного размера), называемые *сандық* обозначали в жилище казахов самое почетное место *төр*. Такое дизайнерское решение очевидно продиктовано с одной стороны имплицитно выраженными идеями плодородия, множественности, а с другой – символикой стабильности, хранения всего ценного, так как сундук осмысливался в традиционном сознании как вместилище драгоценностей, серебра в виде слитков, парадной одежды, отрезков тканей, словом семейной «казны», что отражено и в казахском эпосе [6, с. 219, 228]. В связи с этим хозяйка, помещая ценные вещи в новый сундук, старалась насыпать серебряные монеты со словами: «Пусть сундук заполняется серебром» (*Сандық куміске толаберсін*), что должно было способствовать магическим образом богатству.

Мебель, предназначенную для пищи, а также посуду, хозяйка старалась вначале обкурить дымом гармалы обыкновенной – *адыраспан* или можжевельником – *арша* для магического очищения. Когда привозили в юрту новый декорированный посудный шкаф *асадал*, хозяйка, ставя на его полки вначале парадную посуду, приговаривала: «Адеме ыдыс тойда усталысын» (пусть красивая посуда будет использована на пирах), затем сладости, тем самым привлекая хорошие события в семье, которые будут отмечены торжественным застольем. Такого рода магия: «*кебеже толык болсын*» (пусть ларь всегда будет полным) осуществлялась также по отношению больших ларей на ножках для хранения продуктов – *кебеже*, где в одном из них хранили сушеное мясо, мясные деликатесы, масло, кисломолочные сушеные продукты про запас, а в другом, находящемся в кухне, ежедневную еду. У казахов существует поговорка: «*Әр бір үйде бір кебеже калайды болу керек*» (В каждом доме должен быть хотя бы один ларь для хранения продуктов. Наличие в доме несколько *кебеже* указывало на достаток в семье и обилие съестных припасов. Отсутствие в доме *кебеже* указывало на крайнюю бедность, поэтому старались обязательно иметь его в доме.

С культом очага связан *қазан*, часто встречающийся как символический образ в эпосе, фольклоре и находящийся на седьмом месте в системе ценностей казахов. Размеры казанов варьировались от небольших до огромных, предназначенных для пиршеств. Наиболее ранние образцы котлов, отлитых из меди, зафиксированы в сакский период. Уже тогда способом литья изготавливались котлы разных размеров: полусферические, иногда с конусовидным поддоном, на трех ножках, увенчанных скульптурными изображениями голов козла [7, с. 100, № 1, с. 104, № 1, 4, с. 105, № 5]. Масштаб и великолепие художественного литья в средневековье демонстрирует огромный котел XIV в. из мавзолея Ахмеда Ясави в г. Туркестане, в изготовлении которого принимали участие иранские и сирийские мастера [8, с. 82].

Размеры и художественное оформление казана, традиция чего восходит к древнейшим периодам, указывает на семантическую значимость этого предмета. Казан – символ достатка, поэтому он не должен быть пустым. В нем всегда оставляли на доньшке хотя бы ложку масла, что символизировало сытость в семье согласно пожеланиям дому: «*Қазан- ошағыңнан құт кетпесін!*» (Да не переведется пища в этом доме, Да не покинет счастье ваш дом). Котел *қара қазан*, связанный с очагом, символизирует благополучие семьи и поэтому он считался священным. К названию прибавлялось слово, обозначающее размер котла. К примеру, огромный котел, в котором

варили мясо лошади называли *тау казан* – казан-гора. В нем варили мясо при похоронах степной знати.

Казан не отдавали чужим, а передавали по наследству сыну, а дочери в приданое покупали новый. Чтобы уберечь казан от поломки, его вдевали в войлочный чехол при переезде, так как сломанный казан мог повлечь за собой крах семьи. В связи с этим считалось, что разбить чужой казан, все равно, что разбить их семью. Обычно казан, как и еду, прикрывали крышкой, так как запрещалось его переворачивать во избежание голода или позора. Переворачивать вверх дном мытый казан на время можно было лишь, если кто-то в доме ушел в иной мир.

В былые времена не давали напрокат казан, а если кто-то просил, то это расценивалось как нарушение этикета и неприличный тон. В современное время в силу послабления суеверий, котел могут дать на временное пользование, однако при возвращении необходимо было к ушку подвязать белую ткань как плату за использование ритуальной посуды *актык байлау* (привязать белое к предмету, что переводит предмет в разряд сакральных). Такого рода вещественный знак был понятен сообществу. Подобным образом подчеркивалось уважение к котлу и очагу хозяйки, что на символическом уровне осмысливалось как эффективное пожелание благоденствия.

Особая значимость придавалась деревянному *шесту бақан* с развилкой на вершине, использовавшегося в различных практических целях: им поднимали купольный свод при сооружении юрты, при сильных ветрах шест служил подпоркой юрты, им раскладывали войлочный покров на куполе юрты. Любой высокий прочный шест назывался *бақан*. Опорный столб с развилкой *бакана*, ассоциирующийся с Мировой осью, использовался в родильной практике. Так, за шест держалась многодетная женщина, рожаящая, предположительно, последнего ребенка. Из шести таких шестов образовывали качели – *алты бақан* для развлечения молодых. Через этот предмет, осмысливаемый как принадлежность к мужской половине, запрещалось перешагивать, ронять. Такие же установки выявлены у многих других тюрко-монгольских народов. Н. Л. Жуковская делает вывод о связи шеста с жизнью и смертью, прошлым и будущим, преемственностью поколений [9, с. 22].

Важным семантическим статусом в народном сознании наделялась деревянная или металлическая вешалка для одежды *адалбақан* в виде шеста с декоративно оформленными (в виде завитков) крючками по стволу. Шест-вешалка с вертикальной направленностью, олицетворяя мощь семьи, символизировала мужскую силу. Одновременно *адал бақан*, снабженный фигурными крючками, ассоциировался с деревом. Не удивительно, что это изделие любовно украшалось даже позолотой и вставками из цветных камней. Этот предмет, цена которого, порой, равнялась целому состоянию, ассоциировался с Древом жизни, Мировой осью, Млечным путем. В традиционном представлении считалось, что благодаря магическому свойству этой вещи в доме царили порядок и благополучие. Запрещалось дарение вешалки, бывшей в использовании, через нее нельзя было перешагивать, ронять ее во избежание поломки, что являлось дурным знаком и что могло препятствовать богатству, к вечной неудовлетворенности жизнью [4, с. 114].

Сакральными считались *укрюк курык*, пестрый аркан или веревка *желси*, в связи с чем также существовали запреты на их перешагивание [4, с. 114], что объяснимо с представлением о вероятном магическом вреде коню, домашнему скоту. По принципу контактной магии позитивным смыслом наделялась, как и у многих других народов, подкова, ассоциирующаяся с конем. Найти такую вещь было хорошим предзнаменованием. Ее могли прибить над дверью на удачу. «Если найдут с места селения подкову, то прикладывают ко лбу и хранят дома» [10, с. 57].

В связи с культом коня, его снаряжение являлось ярким показателем материального уровня. Наличие позолоты, серебрения в конской амуниции свидетельствовали о состоятельности владельцев. Существовали запреты на небрежное отношение к конскому снаряжению: седлу, уздечке, подпруге, стремяни. В традиционном сознании эти и другие вещи (носовая веревка, путалища, ошейник) ассоциировались с животными, в связи с чем «при продаже животных не отдают от верблюда носовой веревки, от сокола путалищ, от собаки ошейника [11, с. 484]. Палочка, проткнутая через носовую перегородку верблюда, к которой крепились поводья, называемая *түйемұрындық* символизирует само животное, в связи с чем этот предмет сакрализуется, его берегут и не отдают чужим. Более того лексема *туе мұрындық*, обозначая ценный подарок, используется в обычаях и обрядах казахов.

Седла делились по конструкции на мужские (с более пологим сиденьем) и женские с круто изгибающимся сиденьем. Женские седла были более декоративными, а мужские более легкими, прочными, что исходило из практических соображений. Если женщина могла при необходимости сесть на мужское седло, то мужчина на женское – никогда. Конские путы по форме и декоративной обработке также делились на мужские и женские, которые были более нарядными.

В случае продажи коня уздечку забирает владелец [11, с. 484]. В противном случае могли умереть оставшиеся лошади, а из дома уходил достаток. О бережном отношении к седлу, не только как к материальной ценности, но и, видимо, как символично значимому предмету говорит казахская пословица: «*Атты жоғалтсаң да ерді жоғалтпа*» (Лишившись коня, седло не бросай). Не иметь седла считалось постыдным явлением. В казахском эпосе это представление отражено в угрозе Токтасыну посадить его дочь Айман без седла на верблюда, что расценивалось как оскорбление всего рода [12, с. 635]. Запрещалось класть на коня седло задом наперед, вешать на переднюю луку головной убор, что сигнализировало о смерти хозяина коня. Сломанное седло у тюркоязычных народов означает гибель хозяина, даже если это во сне приснилось, считалось, что это не к добру [13, с. 197]. «На пустое седло, т.е. если оно находится на земле, садиться нельзя» [10, с. 49].

У казахов нельзя было также дарить использованное седло. Однако новое седло вместе со сбруей, а также сами кони могли быть предметами дарообмена в обряде побратимства как у казахов, так и у монголов [9, с. 105]. Эти предметы являлись престижной наградой победителям в различных конных соревнованиях, сопровождавших свадьбы, годовые поминки и другие важные жизненные события.

Кража изделий конской принадлежности считается большим грехом, за что настигает страшная кара. В народе [14, с. 302] говорят: если похитишь конскую веревку, жизнь запутается в неразрешимый узел *арқандалып қаласың*, если уздечку – станешь обузданным, т.е. невольником – *жүгенделіп қаласың*, в случае кражи пут будешь связан во всем – *тусалып қаласың*.

Казаха трудно было представить без лошади и без кнута *камшы*. С красивой плетью, сидящий на лошади человек выглядел внушительнее, она была также инструментом самодисциплины. Важна была также символика плети. Этот предмет имеет много разновидностей, связанных с практическим или обрядово-магическим назначением, материалом, техникой исполнения. В традиционном сознании казахов плеть наделялась сверхъестественными возможностями и потому называлась *қиелі, қасиетті қамшы* (букв. святая плеть). Любой, кто оскорбит казаха, непременно ощутит на себе удар его плети, которая является, по выражению Х. Кустанаева, неразлучным другом его. Именно с помощью ногойки казах разрешает спор, ссору, защищая свою честь [15, с. 50].

В традициях и обрядах были свои правила использования кнута. Кнут всегда держат в правой руке. Чтобы плеть было удобно держать, к ней обычно прикрепляют шнуровую петлю – *бүлдірғи*. Пеший человек держал камчу, сложив ее вдвое, так как держать ее не сложенной – знак враждебности. Плетью могли выражать инофрамацию. К примеру, случайному визитеру не прилично было говорить хозяину о том, что он спешит. Такое известие можно было выразить через плеть. Если человек вешал плеть на крюк за петлю *бүлдірге*, это означало, что он не торопится, если вешал углом (согнув плетку с рукояткой) означало, что он торопится.

Хозяин, понимая это, соответственно себя вел. У казахов существовала национальная спортивная игра *қамшы ойыны, қамшыгерлік*, заключающаяся в демонстрации владения кнутом. Например, соревновались в умении рассечь одним ударом плети растянутую шкуру крупного рогатого скота пополам, что расценивалось как проявление удали и силы мужчины.

Камшы предков обычно передается по наследству, эту вещь, наделяемой магико-охранной силой, берегут и подвешивают вверх на правой мужской стороне в качестве действенного оберега.

Символикой наделялась масса и других предметов быта, большая часть которых помимо практического, художественно-эстетического значения, играла магико-обрядовую роль. Символическая обусловленность изделий определена как их практическим назначением, так и глубиной их смыслового наполнения, определившего их связь с обычаями, обрядами, этикетом, со всем жизненным и идеологическим комплексом казахов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Токарев С.А. К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ, 1970, № 4. – С. 3-172.
- 2 О великом султанах Мухаммаде Узбекхане // Из описания путешествий Ибн Батуты // История Казахстана в арабских источниках. Т. 1. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – С. 207–240.
- 3 Андреев И.Г. Описание Средней Орды Киргиз-Кайсаков, с касающимися до сего народа и прилежащих к Российской границе по части Кольванской и Тобольской губернии крепостей с дополнениями // Новые ежемесячные сочинения. – Алматы, 1998. – С. 24-67
- 4 Валиханов Ч.Ч. Тенкри (бог) // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. – Алма-Ата, 1961. – С. 112-120
- 5 Этнография народов Сибири. – Новосибирск. 1984
- 6 Алпамыс – батыр. Пер. Ю. Новикова, Л. Тарковского // Казахский эпос. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958.
- 7 Агапов П., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1979
- 8 Иванов А.А. О бронзовых изделиях конца XIY в. из мавзолея Ходжа Ахмеда Яссевы // Средняя Азия и её соседи в древности и средневековье. – М.: Наука, 1981. – С. 68-85
- 9 Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии. Культура. Традиции. Символика. – М., 2002
- 10 Токтабай Ахмет. Культ коня у казахов. – Алматы, 2004
- 11 Валиханов Ч.Ч. Клятвы // Следы шаманства у киргизов // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. – Алма-Ата, 1961. – С. 483-484
- 12 Айман, Шолпан // Казахский эпос. – Алма-Ата: Казгослитиздат, 1958.
- 13 Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984
- 14 Тохтабаева Ш.Ж. Серебряный путь казахских мастеров. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005
- 15 Кустанаев Х. Этнографические очерки киргиз Перовского и Казалинского уездов. Сочинение воспитанника IV класса Туркестанской учительской семинарии Х. Кустанаева. Под ред. Н.А. Воскресенского. – Ташкент, 1894

SPISOK ISPOL'ZOVANNYH ISTOCHNIKOV

- 1 Tokarev S.A. K metodike etnograficheskogo izucheniya material'noi kul'tury // СЭ, 1970, № 4. – С. 3-172.
- 2 O velikom sultane Muhammade Uzbekhane // Iz opisaniya putishestvii Ibn Batuty // istoriya Kazahstana v arabских istochnikah. T. 1. – Almaty: Daik-press, 2005. – С. 207–240.
- 3 Adreev I.G. Opisanie Srednei Ordy Kirgiz-Osakov, s kasayuwmisya do sego naroda i prilezhawih Rossiiskoi granice po Kolyvanskoi I Tobol'skoi gubernii kreposteii s dopolnieniyami // Novye ezhemesyachnye sochineniya. – Almaty, 1998. – С. 24-67
- 4 Valihanov Ch.Ch. Tenkri (bog) // Sobranie sochinenii v pyati tomah. T. 1. – Alma-ata, 1961. – С. 112-120
- 5 Etnografiya narodov Sibiri. – Novosibirsk. 1984
- 6 Alpamys-batyr. Per. Yu. Novikova, L. Tarkovskogo // Kazahskii epos. – Alma-ata: Kazgoslitizdat, 1958.
- 7 Agapov T., Kadyrbaev M. Sokroviya drevnego Kazahstana. Alma-ata, 1979
- 8 Ivanov A.A. O bronzovyh izdeliyah konca XIYv. Iz mavzoleya Hodzga Ahmeda Yassevi // Srednyaya aziya I eyo sosedi v drevnosti I srednevekovya. – M.: Nauka, 1981. – С. 68-85
- 9 Zhukovskaya N.L. Kochevniki Mongolii. Kul'tura. Tradicii. Simvolika. – M., 2002
- 10 Toktabay Ahmet. Kul't konya u kazahov. – Almaty, 2004
- 11 Valihanov Ch.Ch. Klyatvy // Sledy shamanstva u kirgizov // Sobranie sochinenii v pyati tomah. T. 1. – Alma-ata, 1961. – С. 483-484
- 12 Aiman, Sholpan // Kazahskii epos. – Alma-ata: Kazgoslitizdat, 1958.
- 13 Lipec R. S. Obrazy batyra I ego konya v tyurko-mongol'skom epose. – M., 1984
- 14 Tohtabayeva Sh.Zh. Serebryanni pyt' kazahskih masterov. – Almaty: daik-Press, 2005
- 15 Kustanaev H. Etnograficheskie ocherki kirgiz Perovskogo i Kazakinskogo uyezdov. Sochineniye vospitannika IV klassa Turkestanskoi uchitel'skoi seminarii H. Kustanayeva. Pod red. N.A. Voskresenskogo. – Tashkent, 1894.

Резюме

Ш. Тохтабаева

Қазақтардың дәстүрлі тұрмыстық бұйымдарының символдары

Мақалада қазақ халқының жеке тұрмыстық заттарына қатысты символдармен ондағы этикет мәселелері қарастырылады. Кейбір бұйымдардың мағыналық мазмұны Ш. Уәлиханов шығармаларында қысқаша атап көрсетіледі.

Summary

Sh. Toktabaeva

Symbols of things used in every day life of the kazakhs

The article examines symbols of certain things of everyday life of the kazakus, in which ethnic newances can be traced. Symbolic content of some things in a brief form is mentioned in the works by Ch. Ch. Valikhanov.